

всему номеру. Никогда я не видела Айседору такой счастливой и нежной, как в то утро! Когда мы поехали в город, Айседора завезла меня домой, а сама поехала с детьми пообедать вместе с Лоэнгрином (близкий друг Дункан П. Зингер. — Ред.).

Часа в четыре захала мисс Эми Бартон и попросила съездить с ней посмотреть квартиру с огромным балконом, выходящим на Сену. Я уже давно искала такую квартиру, поэтому мы взяли извозчика и отправились на другой берег реки. Начался дождь, сильный, мелкий, противный. Мы поднялись на третий этаж. Мисс Бартон вышла на балкон и позвала меня посмотреть на Сену. Вид несущейся неустойчивой реки, похожей на грязевой поток, вместо обычной спокойной чистой Сены приковал наше внимание, а на меня подействовал настолько угнетающе и так расстроил, что я сказала мисс Бартон:

— Я бы здесь жить не смогла, Сена на меня так действует, что становится жутко, ради Бога, уедем отсюда. Я схожу с ума.

Мы взяли извозчика и направились ко мне. Не успели мы подъехать к отелю, как из него выбежала моя секретарша и закричала:

— Быстрее, быстрее, немедленно поезжайте к Айседоре. От нее вот уже полчаса звонят как сумасшедшие.

Я знала, что Айседора собиралась пить чай вместе с неаполитанской королевой, и думала, что ей просто хочется, чтобы я при этом присутствовала, а у меня было плохое настроение, и ехать мне не хотелось. В этот момент телефон зазвонил опять. Это была Элизабет:

— Скажите мадам Дести, чтобы она срочно приезжала. Дело не терпит отлагательств.

Озноб и чувство ужаса овладели мной. Я купила сирени и вместе с мисс Бартон направились к Айседоре.

Когда мы подъехали к дверям ее студии на улице Шево, 68, то увидели огромную толпу, полицию и ощутили страшное волнение. Но я подумала: «А, у нее большой прием», и мы с мисс Бартон стали пробираться сквозь толпу. У самой двери передо мной упала на колени кухарка и, хватая меня за платье, запричитала:

— О, мадам Дести, мадам Дести, дети, дети, с ними случилось что-то ужасное!

Я оттолкнула ее и бросилась наверх по лестнице в комнату Айседоры. Она стояла посреди комнаты, и Лоэнгрин обнимал ее. Простирая ко мне руки, она воскликнула:

— Мэри, скажи мне, что это неправда, это неправда! Мои дети не умерли!

— Конечно же, нет, — ответила я, не зная, что произошло. Но Лоэнгрин сказал:

— Не лги ей. Сейчас не время.

— Мэри ведь не знает, что случилось, она не знает! — восклицала Айседора. Тут Элизабет схватила меня за руку и увлекла в соседнюю комнату.

— Мэри, ради Бога, не теряй головы. Постарайся взять себя в руки. Айседоре нужны сейчас вся наша любовь и храбрость. Дети утонули, Мэри, в Сене.

— Боже! Элизабет, где они сейчас?

— Их забрали в американский госпиталь.

Я бросилась вниз, как лунатик, пробилась сквозь густую толпу у дверей и побежала в госпиталь. Он находился в двух кварталах от нас. Когда я добралась до него, уже смеркалось, и, не зная куда обратиться, я вбежала в первый же домик. Это оказался морг. Там на белом мраморном столе лежали два наших ангела.

Как и все, что происходило с Айседорой, этот несчастный случай был уникальным. Такого несчастья не случилось никогда. В тот день Айседора попросилась с детьми перед их отъездом в Бельвию, укрыва им ноги пледом, а через несколько минут машина, в которой ехали дети, чуть не наехала на повороте на такси. Чтобы избежать столкновения, шофер резко затормозил. Когда такси проехало, оказалось, что мотор машины с детьми заглох и нужно завести его ручкой. Не выключая зажигания, шофер вышел из машины и прикрыл дверцу. Затем вставил ручку и повернул ее.

И тут машина накренилась и двинулась прямо в реку, которая была футах в десяти. Шофер, видимо, пытался схватиться за руль, но дверца же была закрыта, и ему это не удалось. И тогда, вместо того чтобы громко позвать на помощь, он упал на мостовую и стал биться о нее головой.

Люди, видевшие происшествие, бросились на помощь, но быстрое течение отнесло машину с места трагедии, и потребовалось время, чтобы ее обнаружить и вытащить. Прижимая детей к груди, няня, вероятно, старалась не дать воде поглотить их, и оба ребенка, когда их вытащили, были еще теплыми.

По Парижу поползли страшные слухи, которые, я думаю, были последним шипом в терновом венце Айседоры.

Сразу же после трагедии она послала за шофером, которого держали в полиции, и когда бедняга упал ей в ноги, сказала:

— Не отчаивайтесь. Я знаю, что человек не мог бы совершить такого ужасного преступления. Возвращайтесь к своим детям. Я не позволю и волосу упасть с вашей головы.

Вернувшись в студию, я нашла Айседору в трансе. Она бессознательно отдавала приказание.

Меня она спросила, видела ли я детей и есть ли надежда.

— Нет, никакой.

С помощью редактора «Фигаро» мне с большим трудом удалось получить разрешение взять тела детей домой — по французским законам жертвы несчастного случая должны были оставаться в морге.

Детей уложили на кушетку в библиотеке.

За ночь студенты Академии художеств покрыли все деревья и кусты в саду белыми цветами, и сад выглядел сказочным.

Люди шли бесконечным потоком. Айседора утешала их, как будто в нее вселился дух утешения. В такие моменты всегда проявлялось ее величие.

РОССИЯ

В МАЕ, июне и июле 1921 года в парижской прессе появились статьи об Айседоре. В одной из них говорилось: «Айседора Дункан в восторге от большевиков, особенно от Красина, через которого она получила предложение от Советов открыть в Москве балетную школу на тысячу детей».

Когда ее спросили, не пугают ли ее трудности с продовольствием, Айседора ответила: «Я боюсь духовного голода, а отнюдь не физического. Лишения не играют никакой роли на пути к моему идеалу. Ведь осуществлена будет мечта всей моей жизни».

Россия! Россия! Первой мыслью Айседоры, когда она открывала утром глаза, и последней перед сном была мысль о России. В России, как она считала, сметены все ложные условности, всякое неравенство, всякая несправедливость и царствуют лишь гармония и братская любовь. Такой утопией представляла она себе Россию.

День перед отъездом выдался для нас в высшей мере беспокойным, но все же мы нашли время посетить гадалку, и не потому, что Айседора верила в такие вещи, а скорее просто в шутку. Гадалка рассказала, что Айседора едет в длительное путешествие, что у нее будет много неприятностей и злоключений. Но когда эта особа изрекла: «В одном могу вас уверить — вы выйдете замуж», Айседора возмутилась. Это действительно было слишком: Айседора никогда не выходила замуж, замужество было для нее пугалом. Когда мы бросились вниз по лестнице к ожидавшему нас автомобилю, вслед нам несло визгливое: «Выйдите замуж, и года не пройдет».

В мчащейся машине все это скоро забылось. Айседора пребывала в восторге от своего нового плана. Наконец-то после всех долгих лет она сможет создать свою школу, и Девятая симфония будет выражена тысячами великолепных танцоров, и души их вознесутся на крыльях шедевра Бетховена. Мне кажется, Айседора чувствовала себя на пути к раю.

После утомительного путешествия, показавшегося Айседоре, ее ученице и горничной бесконечным, они прибыли в Москву.

И снова сердце ее радостно забилось. Она подождала несколько минут в купе, чтобы встречающая ее комиссия убедилась, что она прибыла. Затем, еле касаясь ногами земли, вышла из поезда, ожидая, что потонет в объятиях бесчисленных товарищей и детей. Но никто не обратил на Айседору и ее спутниц ни малейшего внимания, кроме охранника, смотревшего на них весьма подозрительно. Они вошли в зал ожидания очень испуганные.

Айседора
Дункан,
1916 год.

Как все было не похоже на то, что представлялось Айседоре! Повсюду солдаты. Ей казалось, что она опять отброшена в военное время. Всех тщательно проверяли, а багаж перетряхивали. Все смотрели друг на друга с подозрением. Казалось, что никто не работает, что всех гонят военные, которые приходят в ужас при одной мысли, что может образоваться группа.

В конце концов из этого крошечного ада вынырнула невысокая пожилая дама, спросившая Айседору на великолепном английском языке, не она ли мисс Дункан. Айседора ответила: «Я товариш Дункан». Дама сказала, что ей приказано отвезти их в гостиницу, и заинтересовалась, много ли у них багажа. Они отдали ей багажные квитанции, после чего все погрузились на извозчика.

Их захихнули в очень темную, жалкую гостиницу, которую Айседора по-прежнему визиту в Россию помнила как одну из самых фешенебельных в Москве. Портые не было, вещи нести было некому, поэтому им пришлось своими силами добираться до отведенного им номера. Пожилая дама ушла, оставив их наедине с их муками. Она обещала быть позже.

«ТАНЦЫ — ЭТО РОСКОШЬ»

ВЕСЬ следующий день они прождали пожилую даму, встретившую их на вокзале, и к вечеру, когда она так и не появилась, Айседора решила сама отправиться узнать, в чем дело.

К своему большому удивлению, Айседора нашла извозчика, который согласился везти за американские доллары. И Айседора с ученицей поехали по разбитым, небурным улицам искать нужного им чиновника. В Кремль их впустили категорически отказавшись.

На следующее утро Айседора сама поехала к своему другу, наркомуну Луначарскому, который очень удивился, увидев ее, и не мог понять, кто же послал телеграмму, приглашая ее приехать в Россию.

Тем не менее со свойственным ему редким очарованием он заверил Айседору, что восторгается ею и уверен, что и правительство, узнав о ее великолепном жесте — приезде в большевистскую Россию, тоже будет в восторге, и обещал немедленно распорядиться о жилье и снабжении их продуктами. О школе они поговорят попозже.

Вскоре Айседора была приглашена на вечеринку большевиков. Вот где, думала она, можно встретиться с товарищами, людьми, с которыми она поговорит, которые ее поймут. Чтобы быть достойной, надела красную тунику, обвила голову красным шарфом.

Представьте же изумление Айседоры, когда ее ввели в очаровательный салон в стиле Людовика XVI с изящными стульями на выгнутых ножках, диванами, роскошным ковром... Все приветствовали ее на великолепном французском языке, называя «мадемуазель Дункан», на что она резко отвечала: «Я товариш Дункан». Это всех сильно позабавило.

Айседора глядела на увешанных драгоценностями, хорошо одетых дам и не могла понять, где она. В конце концов она не выдержала и, вскочив, воскликнула: «Так вот она какая, большевистская Россия! Господи! Для чего совершалась великая кровавая революция? Ничего не изменилось, кроме актеров! Вы забрали их драгоценности, мебель, одежду и манеры. Но только играете вы хуже. Выпустите меня! Выпустите меня!» — и она с криком выбежала на улицу.

Почти все свое время Айседора тратила на встречи с различными чиновниками по поводу своей школы. Каждый обещал сделать, что может, но что они могли? В город наехала масса людей, которых негде было разместить, а тысячи умирающих с голоду детей, подобно животным, одичало бродило по улицам, не зная, кто их родители, да и не заботясь об этом. Большею частью их родители погибли или пропали без вести во время революции, и дети спали в ямах и углах, промышляя главным образом воровством. Айседора забрала бы их всех, если бы ей дали дом и хлеба.

Так бесполезно прошло три месяца, когда в один прекрасный день Айседоре позвонил Луначарский и сообщил радостную весть, что у него есть для нее дворец в самом центре Москвы. Эта добрая весть так подействовала на Айседору, что она заплакала от радости.

Теперь она получила дворец знаменитой балерины, и в нем все, что мог купить явно отвратительный вкус на неограниченные средства. К счастью, дворец несколько раз грабили, и в нем осталось очень мало мебели. Сам дом был отличных пропорций: огромные комнаты, высокие потолки, причем каждая комната или салон были обставлены в своем стиле — все Людовики, китайский, японский и для полноты картины немного русский. Но в доме почти полностью отсутствовали водопроводные и отопительные трубы, а также кровати. Это было самым большим ударом, потому что купить кровати нельзя было ни за какие деньги. Их просто не было. Те, кто их захватил, даже и не видели раньше пружинных матрасов и расставаться с ними не собирались. В результате большого хлопота и взятки Айседоре удалось в конце концов получить бронзовую кровать, пружинный матрас и большую печь, которую она поставила в огромный салон, служивший гостиной, спальней, студией и т. д.

Айседора развесила повсюду объявления, что возьмет пятьдесят детей, способных к танцам. На следующий день ввалилась толпа детей, но, к сожалению, всех их взять Айседора не могла. Плач и душераздирающие вопли малышей, причитания и взаимные упреки матерей были ужасны. Малыши, протягивавшие к ней свои ручонки скелетов с пальчиками толщиной в соломинку и кричав-